

УДК 904

ПОЗДНЕСИФСКИЕ «ЗЕМЛЯНКИ» ГОРОДИЩА КАРА-ТОБЕ

Внуков С. Ю.

*Институт археологии РАН,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: vnikovs@mail.ru*

Изучены заглубленные в грунт сооружения, открытые в позднесиифских слоях городища Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму (I в. до н. э. – начало II в. н. э.), обычно называемые позднесиифскими землянками. Такие конструкции известны и на прочих синхронных поселениях Западного и Центрального Крыма. Большинство землянок Кара-Тобе имеют округлую форму диаметром около 3 м, две поздние землянки – подпрямоугольные. Вдоль их стенок расположена приступка-ступенька, обложенная плоскими камнями или сырцовыми блоками. Рассматриваются место землянок в застройке, их конструкция, стратиграфия, хронология. Установлено, что они выкапывались на незастроенных участках, использовались очень недолго, после чего специально засыпались. Надежных данных о назначении землянок получить не удалось. Предполагается их возможное использование для погребально-поминальных собраний, но этот вопрос остается открытым. Подобные сооружения являются одной из характерных черт позднесиифской культуры Крыма.

Ключевые слова: Северо-Западный Крым, городище Кара-Тобе, позднесиифская культура, позднесиифские землянки.

Круглые, реже четырехугольные заглубленные в землю сооружения встречаются на многих позднесиифских поселениях Крыма. Первая такая конструкция была обнаружена в 1934 г. П. Н. Шульцем на городище Кара-Тобе у г. Саки [1, с. 273–275, рис. 73–75]. Он интерпретировал ее как основание заглубленной в слой «юрты-зимника», имевшей 2 слоя каркасной конической крыши. Колья каркаса ее внешнего покрытия упирались в дневную поверхность за пределами котлована конструкции, а внутреннего – в верхнюю поверхность пристенной ступеньки внутри его стенок. Основанием для столь необычной реконструкции послужили 2 концентрических круга ямок от наклонных шестов, якобы выявленных вокруг и внутри котлована конструкции (рис. 1, а). Такая интерпретация подобных сооружений сначала получила распространение среди исследователей [2, с. 85; 3, с. 83; 4, с. 11, 12], хотя сам термин «юрта» был неудачен. Полуземляночное стационарное сооружение с конической крышей типа чума не имеет ничего общего с разборной каркасной юртой тюрко-монгольских кочевников [5, с. 43]. На фотографиях раскопа П. Н. Шульца ясно видно, что при зачистке «юрты» были тщательно выбраны все норки сусликов, во множестве прорезающие культурный слой памятника (рис. 1, б), но на план были нанесены только те из них, которые вписывались в окружности от «каркаса крыши» [1, с. 274, рис. 74]. Это создало впечатление концентрической системы (рис. 1, а).

Сейчас термин «юрта» практически не применяется к подобным конструкциям. Но единого мнения об их назначении до сих пор не сложилось. Их считают жилыми [2, с. 85; 8, с. 11; 9, с. 9–11; 10, с. 115; 11], хозяйственными [12, с. 186], даже «сторожевыми» сооружениями [13, с. 149, 150], или же применяется нейтральный термин «земляночная

структурой» [14, с. 94, 95]. В данной статье используется условный термин «позднесибирская землянка», хотя конструктивно такие сооружения являются полуземлянками. Это окружные или четырехугольные заглубленные конструкции с земляной ступенькой («приступкой», «лежанкой») вдоль стенок. Они впущены в грунт более чем на 0,6 м. Боковая поверхность пристенной ступеньки обложена плоскими камнями или сырцовыми блоками (рис. 2, а, б). Иногда стенки землянок обмазывались глиной или, редко, обкладывались рваными камнями в 1 слой. Прочие заглубленные позднесибирские сооружения здесь не рассматриваются.

На городище Кара-Тобе открыто 22 таких землянки – больше, чем на любом другом памятнике (рис. 3). Все они сохранились не полностью. Даже если их удается проследить на весь диаметр и глубину, почти все они прорезаны более поздними ямами (рис. 2, 3). Поэтому ряд признаков у некоторых сооружений просто не сохранился.

Все открытые на Кара-Тобе землянки расположены на пустырях, которые во время их сооружения не были застроены. Обычно это периферия жилых кварталов, использовавшаяся также для устройства зерновых ям (рис. 3). В центре городища, на площади позднесибирской цитадели, землянки единичны. Ни одна из них не имела планировочной связи с каким-либо жилищно-строительным комплексом городища. Та же закономерность расположения землянок отмечена на Калос Лимене [11, с. 238; 14, с. 99].

Из 22 раскрытых на Кара-Тобе землянок пять (ок. 23 %) выкопаны на местах уже засыпанных более ранних аналогичных сооружений (землянки 4, 5, 8, 15, 20 – см. рис. 3; рис. 4). При этом, судя по стратиграфии, промежуток между сооружением ранней и поздней землянок обычно не превышал периода жизни одного поколения или был даже короче. Устройство нескольких землянок в одном и том же месте не могло быть случайным. Возможно, существовали какие-то традиционные участки для их сооружения.

Первые землянки Кара-Тобе были выкопаны не ранее 2 четверти I в. до н. э., вскоре после разрушения греческой крепости строительного периода I. Они впущены из наслойений зольника, образовавшихся при разборке, расчистке и перестройке сооружений периода I (горизонт 2₀; периодизацию наслойений городища см.: [15, с. 67, 68; 16, с. 45–47; 17, с. 22; 18, с. 167, 168]. Землянки прорезают сырцовый завал разрушений этих помещений или эллинистические отложения того же зольника. Две ранние землянки были перекрыты стенами скифской цитадели, построенными около 3 четверти I в. до н. э. (строительный горизонт 2а). Ни одна землянка не относится ко времени существования греческой крепости. Они появляются только после возвращения скифов на оставленное греками поселение.

Большинство открытых на Кара-Тобе землянок имеют окружную или овальную форму (рис. 1, а; 2–4). Только 2 сооружения (14 и 20) четырехугольные в плане (рис. 3; 5). Они датируются последними периодами существования городища. Вдоль стенок всех землянок расположена невысокая ступенька. Диаметр окружных землянок колеблется в пределах 2,6–3,7 м, размеры двух подпрямоугольных – около 2,3 x ≈2,8 м и ≈3,3 x 4,0 м. Максимальная глубина колеблется от 0,75 м до 1,25 м (прослежена у 15 землянок).

Диаметр центральной части (пола) землянки зависит от внешнего диаметра сооружения и ширины ступеньки вдоль его стенки. Пол ограничен обкладкой ступеньки, которая не всегда параллельна внешней стенке. Порой этот контур состоит из прямолинейных отрезков, из-за чего он приобретает угловатую форму (рис. 4). Диаметр пола круглых землянок колеблется в пределах 1,7–2,6 м, у двух прямоугольных сооружений его размер 2,4 x 2,7 м и 1,6 x 2,1 м (табл. 1). Таким образом, площадь пола большинства землянок составляет всего 3–5 м².

Размеры пристенной ступеньки различаются даже в одной землянке. Ее высота от пола колеблется от 18 до 31 см, ширина изменяется в пределах 30–70 см. Верхняя поверхность ступеньки обычно имеет уклон к центру землянки от 2–3 до 17 см.

Фиксируемая высота внешней стенки землянки над ступенькой колеблется от 0,4 до 1,0 м, обычно составляя 0,6–0,8 м. Учитывая уклон конической крыши, такая высота позволяла сидеть на пристенной ступеньке, но не стоять на ней.

Пол в центральной части землянки, как правило, имеет уклон к центру до 10 см. Глинняная намазка пола, характерная для позднескифских наземных помещений, зафиксирована только в землянках 2 и 16. В остальных случаях пол представлял собой утоптанную поверхность нижележащего материала или зольника. Во всех землянках над ним залегала прослойка золисто-глинистого натопа микрослоистой структуры толщиной 1–7 см, к центру она утолщается. Толщина натопа в землянках, целиком выкопанных в культурном слое, как правило, больше.

В землянках Кара-Тобе ни разу не обнаружено следов центрального подпорного столба (ямка с забутовкой в центре пола или опорные камни под столбом). Вместе с тем в некоторых землянках на соседних памятниках такие следы отмечались исследователями – Калос Лимен [11, с. 241, 243, 245], Керкинитида [10, с. 113], Южно-Донузлавское [19, рис. 20], Неаполь [8, рис. 3, 3] и др.

Боковая поверхность ступеньки всех землянок Кара-Тобе обложена прямоугольными сырцовыми блоками или плоскими рваными камнями, стоящими орфостатно (рис. 1, 2, 4, 6). В некоторых из них для обкладки применялись только сырцовые блоки, в 9 землянках наряду с блоками использовались и камни. Нет ни одной землянки, в которой обкладка была бы сделана только из камней. Это связано с дефицитом камня в районе Кара-Тобе. По этой же причине камни обкладки в некоторых случаях выбирались для повторного использования перед засыпкой землянки.

Прослежено 2 способа сооружения ступеньки в землянках. В рыхлом грунте обычно сначала выкапывали котлован нужной глубины с отвесными стенками, которые плавно или под прямым углом переходили в дно. Затем в дне вдоль стенок на расстоянии равном примерной ширине будущей ступеньки делалась неглубокая (2–6 см) канавка шириной до 15 см. В нее на ребре устанавливали сырцовые блоки или камни обкладки. Пространство между обкладкой и стенкой котлована засыпалась выбросом из котлована до уровня верха обкладки. В плотном грунте при рытье котлована внизу вдоль стенок сразу оставлялся уступ. Затем на необходимом расстоянии от него делалась канавка для обкладки ступеньки, при этом корректировалась ширина ступеньки. Щель между обкладкой и уступом также засыпалась.

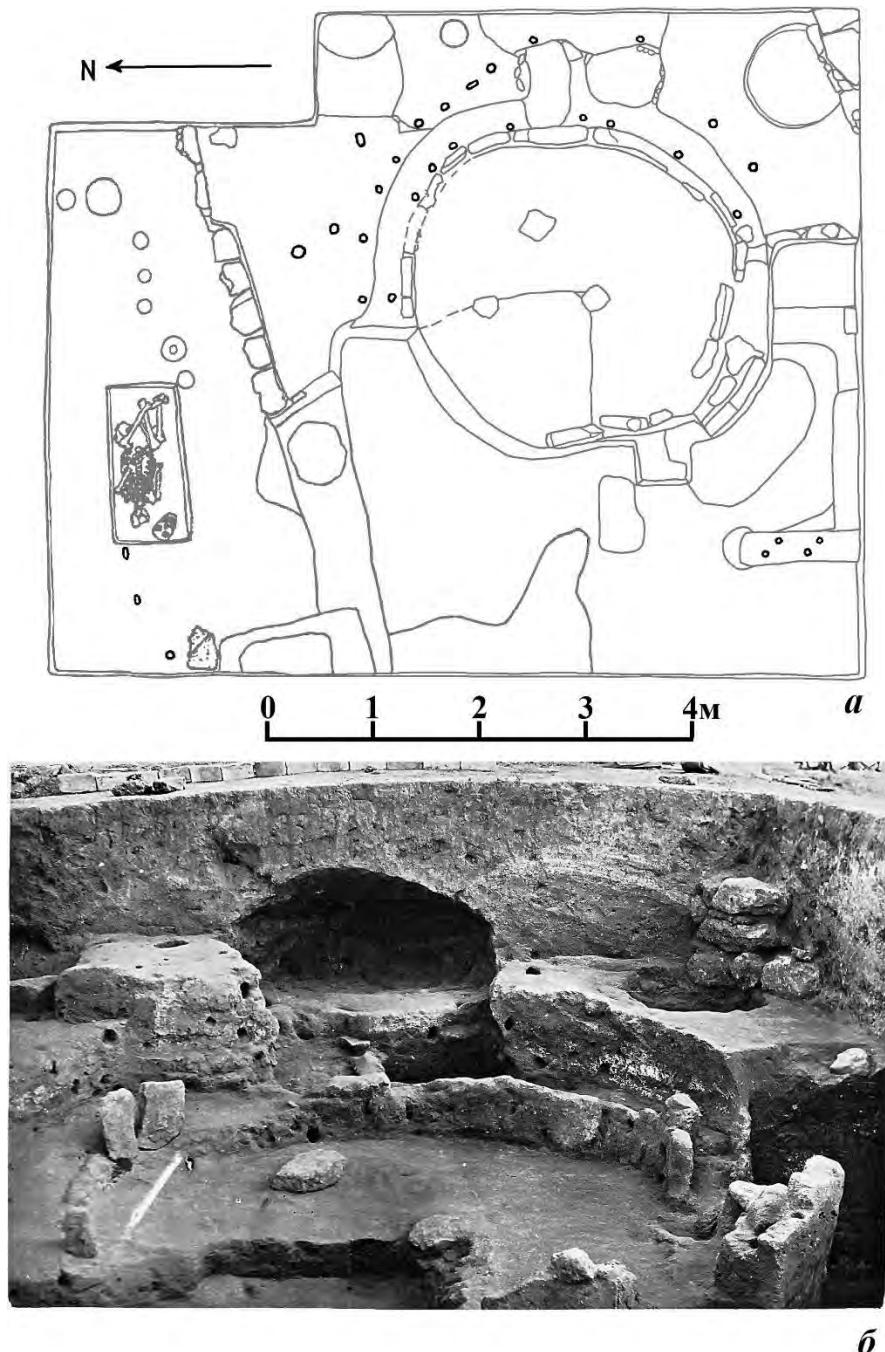

Рис. 1. Кара-Тобе, разведочный раскоп П. Н. Шульца 1934 г. с позднескифской «юртой»: а – глазомерный план [по: 1, с. 274, рис. 74]; б – общий вид «юрты» с запада (фото из архива О. Д. Дащевской)

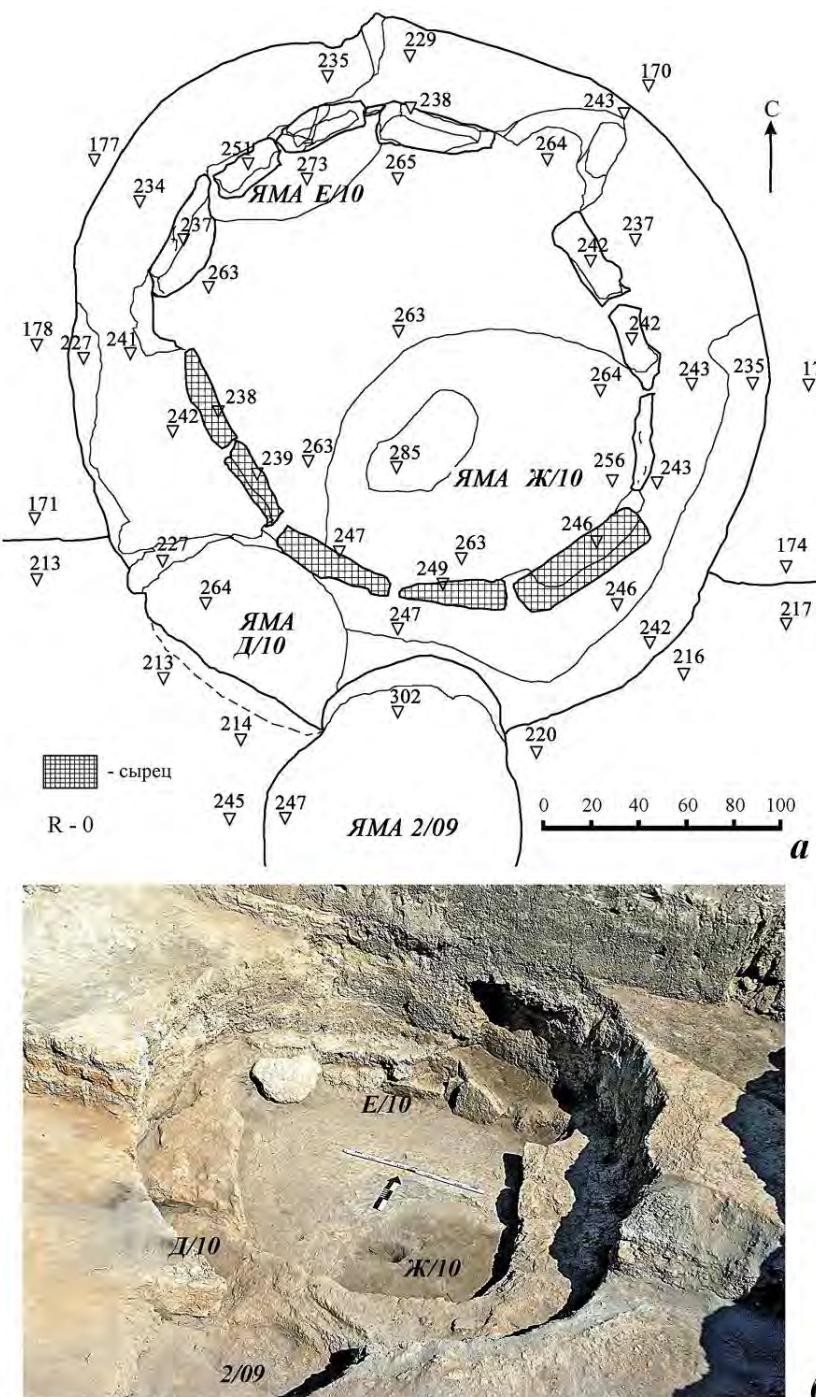

Рис. 2. Кара-Тобе, землянка 17: *a* – план; *б* – вид с юга

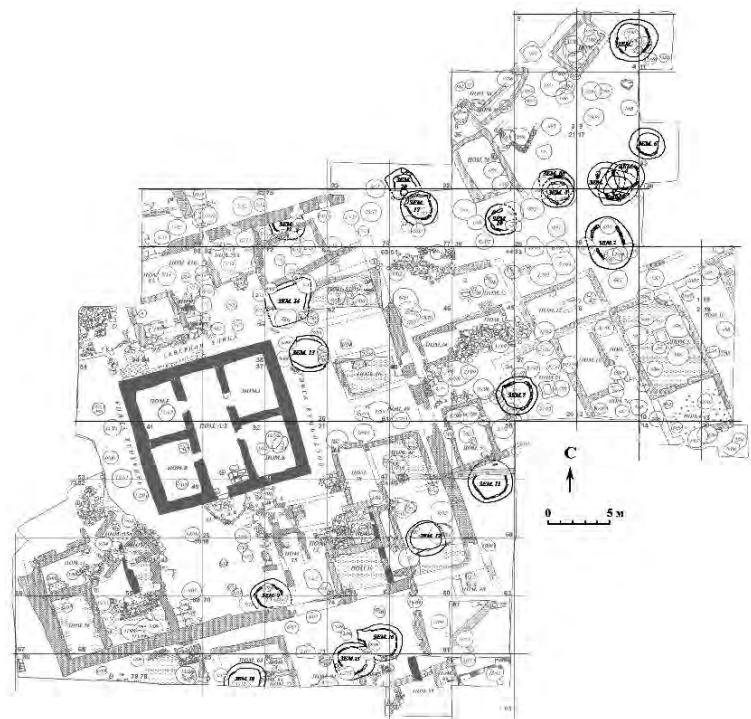

Рис. 3. Кара-Тобе, план раскопа на уровне скифского строительного периода II (горизонт 2а)

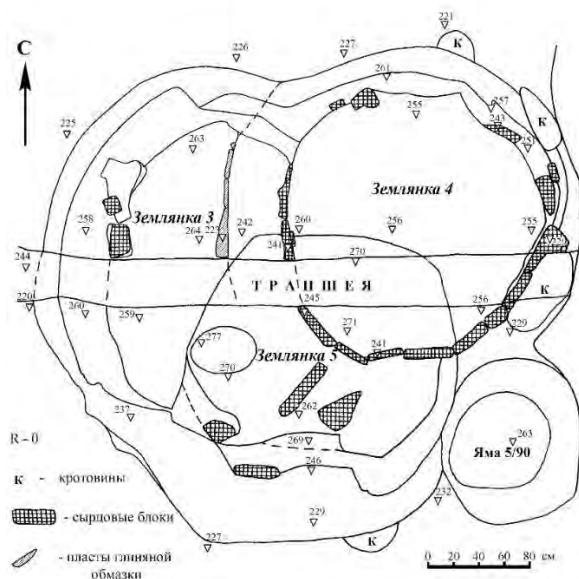
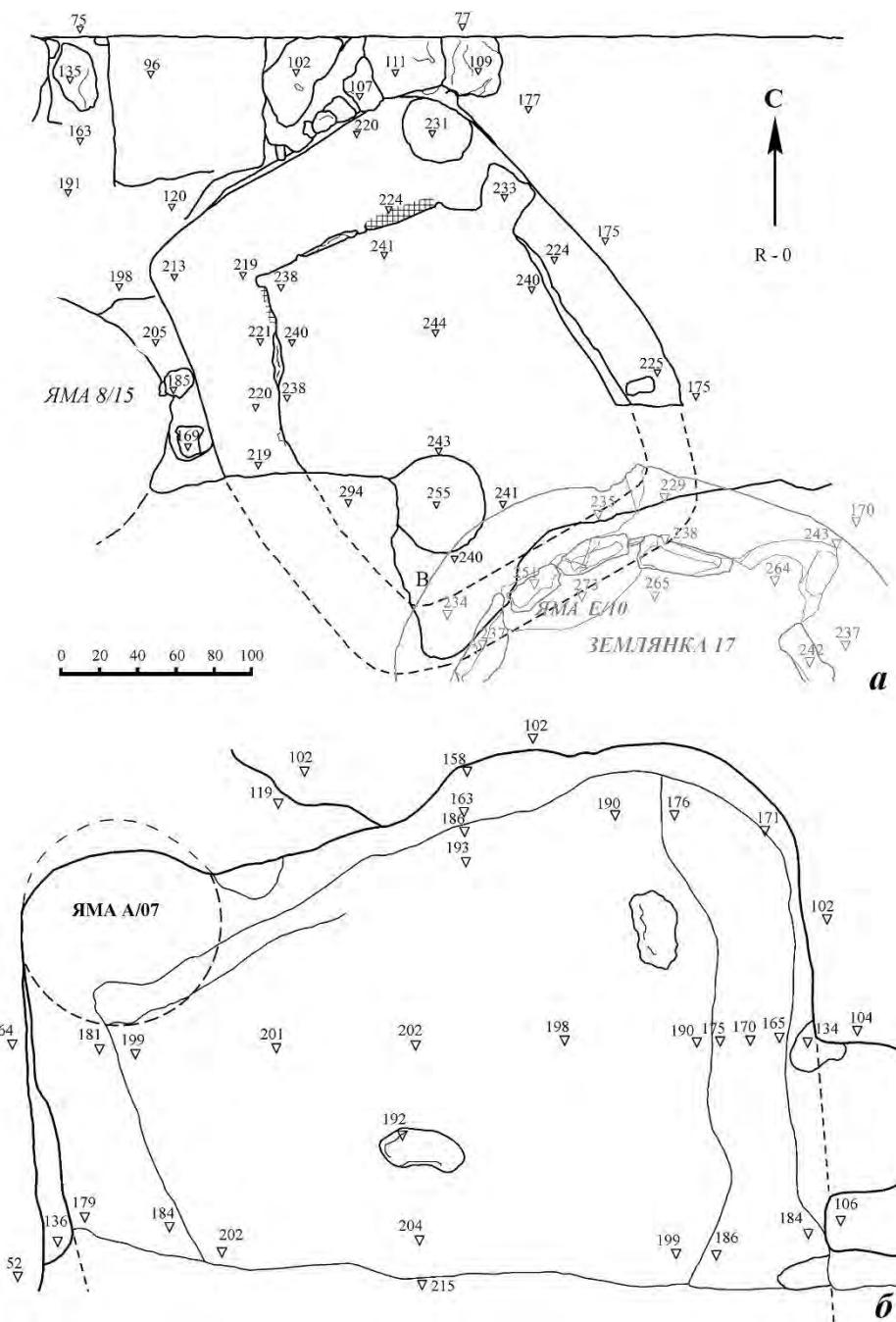

Рис. 4. Кара-Тобе, землянки 3–5, план

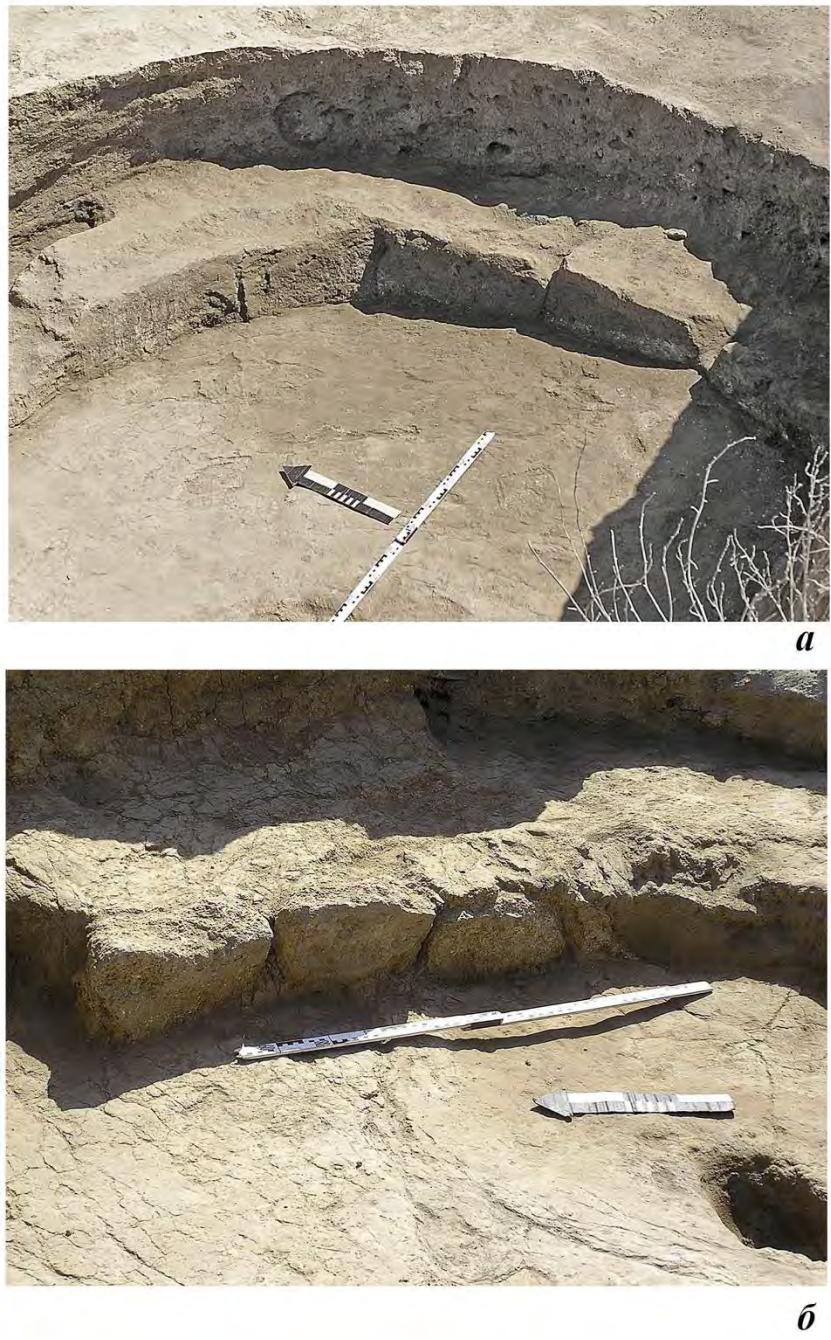

Рис. 6. Кара-Тобе, обкладка пристенной ступеньки:
а – землянка 16; б – землянка 17

а

б

Рис. 7. Кара-Тобе, штукатурка и обмазка стенок: а – землянка 18, пристенная ступенька с обмазкой жидкой глиной и отпечатками вертикальных колпаков; б – землянка 16, глиняная штукатурка стенки

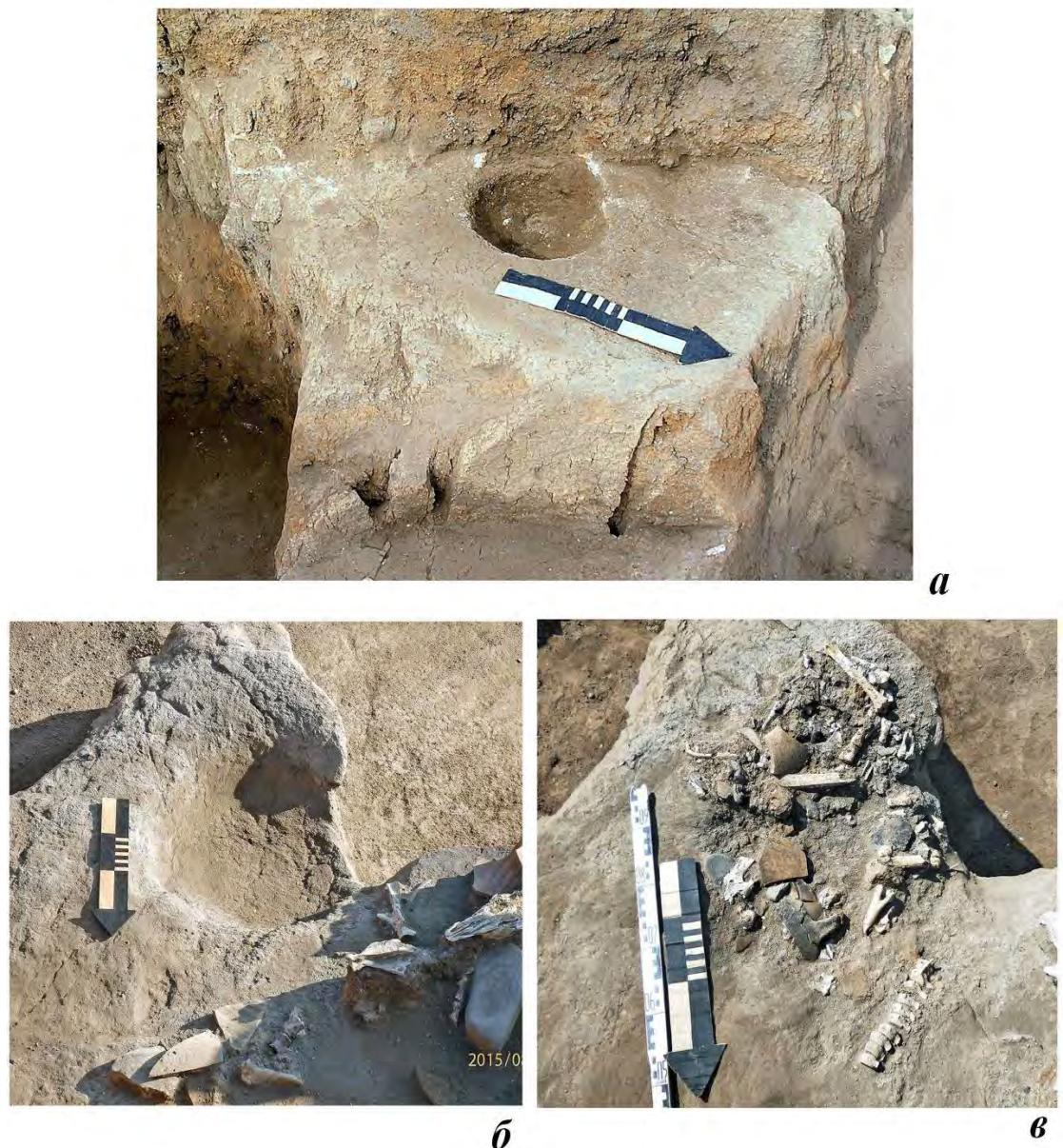

Рис. 8. Ямки в ступеньках землянок: а – землянка 15; б, в – землянка 20 (б – после выборки, в – до выборки)

a

б

Рис. 9. Входы в землянки: а – землянка б, следы входа-спуска с отпечатками опор приставной лестницы? (выделены стрелками; золистый настон над полом убран); б – землянка 16, следы входа-пандуса в западной стенке

Рис. 10. Отпечатки кольев в обкладках ступенек: а – землянка 15, б – землянка 18

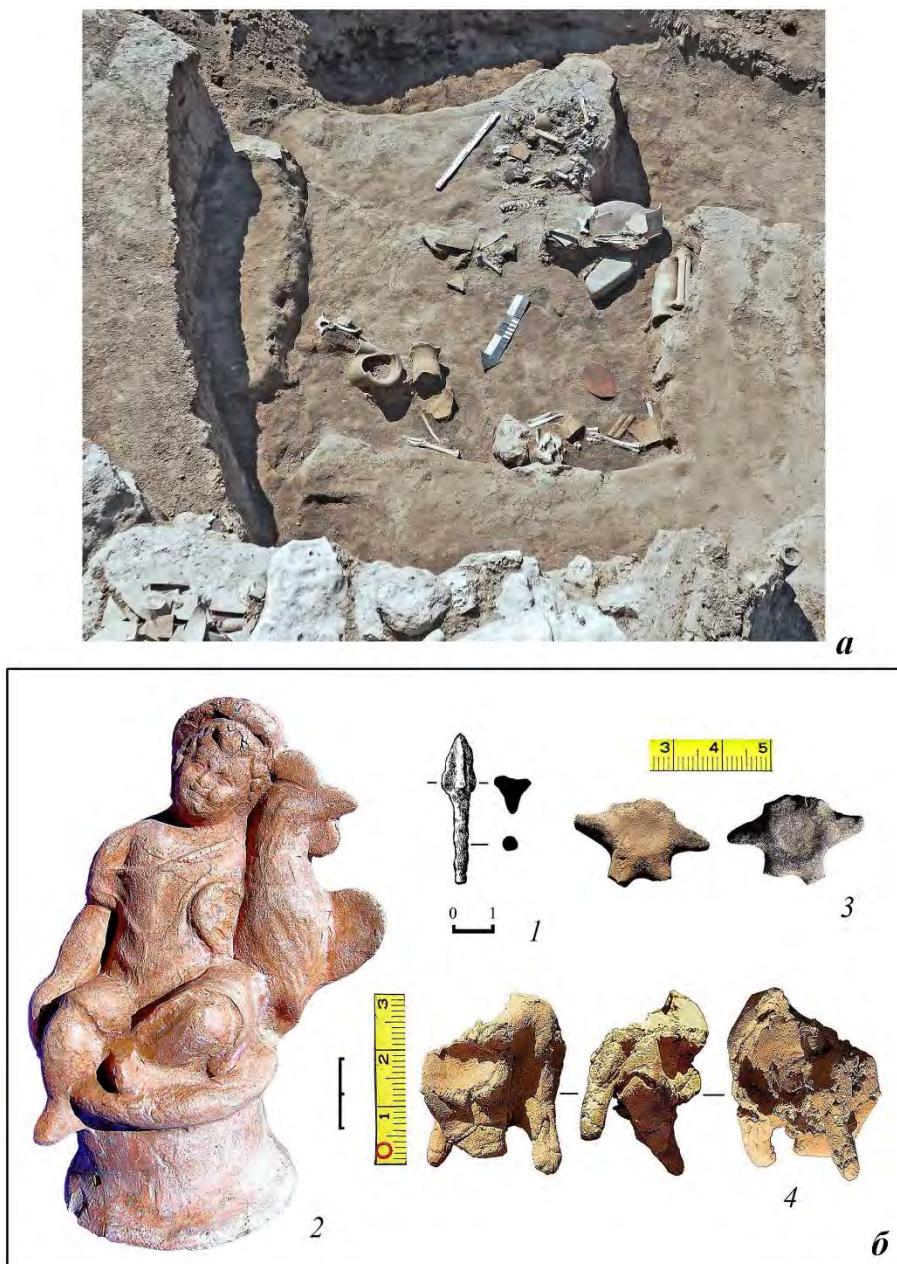

Рис. 11. Найдки из землянок: а – скопление материала на полу землянки 20; б – находки из прочих землянок: 1 – стрела железная (земл. 20), 2 – терракотовая статуэтка (земл. 14), 3, 4 – поделки из обожженої глины (земл. 17)

Верхняя и боковая поверхности ступеньки в землянках 1, 2, 11 и 18 были покрыты глиняной обмазкой толщиной 1–2 см. Ею же замазаны швы между сырцовыми блоками или камнями. Иногда для этого использовалась сильно разведенная глина, наносившаяся с помощью мягкого мокрого материала, так что швы между блоками обкладки не просматриваются (рис. 7, а). На верхней поверхности ступеньки золистый натоп отсутствует или его толщина, как правило, не превышает 1–2 см.

Внешние стенки землянок практически вертикальные. В 5 сооружениях они были покрыты тонким слоем глиняной штукатурки толщиной 1–2 см, порой переходящим на поверхность ступеньки (рис. 7 а, б). В землянке 15 обмазка стен была покрыта известковой побелкой. В землянке 12 штукатурки на стенке нет, но внизу сохранилась такая же побелка прямо по прорезанному котлованом слою сырцового завала. Никаких повторных подмазок штукатурки или побелки ни разу не зафиксировано.

В шести землянках Кара-Тобе у границы пола или на ступеньке обнаружено по одной неглубокой ямке (рис. 8, а, б); еще в двух землянках они предполагаются. Система в их расположении не просматривается, но чаще они встречаются в западной и южной частях землянок, а на востоке не отмечены ни разу. Ямки округлые, полусферические или подконические. Их диаметр – 15–50 см, глубина – 7–15 см. Они явно не столбовые. Все ямки прорезают натоп на дне землянок и выкопаны в конце их использования.

Среди них выделяется ямка в полу в южном углу четырехугольной землянки 20 (рис. 5, а; 8, б). В плане она округлая, диаметром около 0,5 м, глубиной до 0,15 м. Заполнение – легкий черный гумусированный слой с золой и углами. В нем находилось почти 300 обломков костей козлят или ягнят и несколько позвонков дельфина, частично лежавших в анатомическом порядке. Некоторые кости обожжены, но следов огня в ямке нет. Вверху лежало несколько стенок амфор и обломки лепного черпака с ручкой (рис. 8, в). Ямка очень напоминает фависсу, но ее заполнение отличается от заполнения обычных фависс на городище. В последних, как правило, лежит полный расчлененный скелет одного ягненка/козленка без следов огня. Кости дельфина в фависсах не встречались. В данной ямке кости мелко раздроблены, обгорели, количество особей определить невозможно. Тем не менее она тоже, видимо, была культовой и содержала остатки сожжения на стороне.

Все другие ямки в землянках заполнены рыхлым слоем, не отличимым от заполнения сооружений. Функция их не ясна, не исключено, что они также использовались для культовых целей, возможно, для возлияний.

Схожие ямки зафиксированы и в землянках Калос Лимена. Мелкие углубления, расположенные у края пола, по мнению В. Б. Уженцева, служили для установки некоторых «переносных жаровен» для отопления [11, 1994, с. 242, 243; 14, с. 95]. Что это такое – не ясно. Никаких переносных жаровен на синхронных позднесибирских памятниках Крыма не известно, ничего, похожего на остатки жаровен, в землянках не обнаружено. Поэтому логично предположить, что некоторые из этих ямок имели то же назначение, что и ямки в землянках Кара-Тобе.

Вход у подавляющего большинства землянок, сохранившихся на всю окружность, никак не выделяется. Это позволяет справедливо предполагать, что спуск в них обычно осуществлялся по приставным лестницам [3, с. 83; 13, с. 150; 10, с. 113; 12, с. 184]. Возможно, на Кара-Тобе местоположение таких лестниц прослежено в землянках 5 и 6. В землянке 6 она была расположена в северной части и выделяется мощным (10–12 см) слоем натопа на узком участке ступеньки с четкими границами шириной 0,7–0,8 м (рис. 9, а). Натоп перекрывал поверхность ступеньки, сырцовую обкладку и с нее языком спускался на утоптанный пол, где выклинивался к центру землянки. В натопе зафиксированы 3 пары неглубоких подпрямоугольных одинаковых углублений, которые могут быть отпечатками опор ставившейся здесь приставной лестницей шириной ок. 0,5 м (рис. 9, а).

В землянке 5 участок ступеньки шириной 0,6–0,7 м был полностью стоптан до уровня пола, так что ступенька превратилась здесь в короткий пандус. Отпечатки лестницы не прослеживались.

В редких случаях фиксируется более или менее четко оформленный разрыв в стенке землянки, который, видимо, служил пологим спуском в нее. Такой вход-пандус был открыт на городище Чайка в южной короткой стенке подовальной землянки 1979 г. со стенками, обложенными камнем. Проем был оформлен более крупными камнями. К нему снаружи вел пологий утоптанный пандус. Еще одна землянка с входом-пандусом была открыта на Калос Лимене [11, с. 242; 14, с. 94, № 5]. Он представлял собой разрыв шириной около 0,95 м в южной стенке котлована землянки и в ступеньке. Внутри по его сторонам открыты 2 столбовые ямки для крепления завесы (?). Снаружи к проему тоже спускался утоптанный пандус. Разрывы в пристенных ступеньках, видимо, отмечающие входы в землянки, отмечены и в Керкинитиде [10, с. 113].

На городище Кара-Тобе только в землянке 16 была выявлена конструкция, которую можно интерпретировать как вход-пандус (рис. 9, б). Она представляет собой разрыв в западной стенке и в ступеньке землянки. В него изнутри языком заходит утоптанный пол землянки. Он тянется за границы землянки. Ширина проема до 0,8 м, прослеженная длина до 0,7 м; на западе натоп разрушен поздней ямой. На юге проем ограничен сырцовым блоком, стоящим перпендикулярно внешней стенке (рис. 9, б). Северный торец проема и примыкавшая к нему часть ступеньки сильно затоптаны.

В землянках 15 и 18 и, возможно, 20 зафиксированы следы деревянных конструкций. Это отпечатки кольев, воткнутых вертикально в сырцовые блоки обкладки ступеньки (рис. 7, а; 8, а; 10, а, б). Лучше всего они сохранились в северной части землянки 18. Всего зафиксировано 7 отверстий в восточной ступеньке и 3 в западной (южная часть землянки еще не раскрыта; рис. 10, б). Колья были вбиты в сырцовые блоки почти вертикально таким образом, что они частично выступали из боковой поверхности ступеньки. Диаметр кольев – 5–7 см. Они на несколько сантиметров уходят глубже пола землянки. Промежутки между кольями – 20–40 см, некоторые из них расположены попарно. Колья были установлены до нанесения глиняной обмазки ступеньки, которая их частично прикрыла.

В западной ступеньке землянки 15 сохранились 3 таких же отверстия (рис. 8, *a*; 10, *a*). Еще 2 или 3 менее четких отпечатка, которые могут быть и плохо заделанными швами между блоками, отмечены в северной ступеньке землянки 20.

Аналогичные следы были зафиксированы в землянке 1 Калос Лимена, в Неаполе Скифском [11, с. 243] и на Усть-Альминском городище [9, с. 140]. В землянке на Калос Лимене колья были вбиты не в сырцовые блоки, а вплотную к камням обкладки восточной ступеньки. В. Б. Уженцев полагал, что они просто поддерживали камни обкладки и их высота не превышала высоты ступеньки [11, с. 243]. При этом данных о полной высоте кольев нет (они были *не ниже* ступеньки), а камни обкладки и сырцовые блоки обычно стоят достаточно надежно и не нуждаются в дополнительных подпорках. С другой стороны, если колья были выше обкладки, то они располагались так часто, что затрудняли доступ к ступеньке человеку средней комплекции (рис. 10, *a*).

Две открытые на Кара-Тобе четырехугольные землянки отличаются от округлых только формой. Их углы не всегда прямые, противоположные стенки порой не параллельны и местами выгнуты наружу (рис. 5). Прочие их характеристики схожи с признаками круглых сооружений (табл. 1). Обе эти землянки – самые поздние на Кара-Тобе.

Большинство исследователей полагают, что круглые землянки покрывались каркасной конической крышей [3, с. 83; 10, с. 113; 13, с. 150; 11, с. 248, 250, рис. 8]. Изредка фиксируются ямки или опорные камни от центральных столбов этой конструкции. На Кара-Тобе они не обнаружены, что говорит об использовании здесь легких шалашеобразных крыш без центральных опор. Колья их каркаса должны были упираться в дневную поверхность на некотором расстоянии от стенок котлована. Сверху каркас, видимо, покрывался камышом или соломой; такой тлен зафиксирован на полу землянки 3. Крыша перед засыпкой землянки, видимо, разбиралась. Следов упавшего ее земляного покрытия над полами сооружений ни разу не обнаружено, да оно и не удержалось бы на крутой крыше. В четырехугольных землянках крыша могла быть одно- или двускатной [9; 14, с. 100].

Остается неясной функция колышев, отпечатки которых описаны выше. Считать, что это были короткие колышки, которые поддерживали блоки обкладки ступеньки [11, с. 243; 9, с. 140], нет оснований: обкладка держится достаточно надежно. С другой стороны, если предположить, что колыша были длинными и поддерживали крышу в прогибавшихся местах, то неясно, зачем они поставлены так часто (20–40 см), что затрудняли доступ к пристенной ступеньке. Этот вопрос остается открытым.

Заполнение 15 землянок Кара-Тобе практически однослоиное и представляет собой тот же слой, в котором выкопано сооружение, но мешаной комковатой структуры. В нем, как правило, нет прослоек. Это явно преднамеренная засыпка грунтом из выброса, образовавшегося при копке котлована сооружения. Еще в 3 землянках такая засыпка предполагается. Только 3 землянки заполнялись постепенно, как мусорные ямы. Единовременная засыпка отвалом не позволяет использовать для датировок землянок редкий материал из их заполнения. Он происходит из перемещенного раннего слоя, в котором выкопан котлован.

Не обязательно все землянки Кара-Тобе засыпались сразу же после прекращения использования. Четыре из них (землянки 8а, 14, 17, 18) непродолжительное время стояли открытыми. За это время над их полом образовались тонкие прослойки грунта, осыпавшегося со стенок или намытого дождями. Они перекрыты слоем засыпки. В некоторых землянках в воронке, образовавшейся после проседания их засыпки, отложились поздние регулярные отложения. Такая воронка в землянке 19 перед постройкой перекрывшей ее северной стены скифской цитадели была засыпана материковой глиной.

Находок в заполнении землянок Кара-Тобе немного. Как правило, они происходят из засыпки отвалом, содержащим более ранний материал, и не связаны с функционированием землянок. Лишь в редких случаях комплекс включает синхронные им находки. Так, выделяется материал из четырехугольной землянки 20. В нее перед засыпкой был сброшен мусор (?), синхронный времени использования. Это крупные фрагменты амфор, редкие обломки посуды и крупные кости (рис. 11, а). Можно отметить 2 горла амфор С Iб, верх и низ амфоры Син IVa с графито (сарматская тамга), крупные фрагменты амфор варианта Син IVa и с воронковидным венчиком, а также широкий поддон амфоры С IVa₁ или переходной разновидности С IVZ [20, с. 45, рис. 10, 3, 4, с. 140, рис. 60, 1, с. 119, рис. 45, 1–6, с. 123, рис. 47, 1; 21, с. 38, 39, рис. 2, 7–18]. Узкогорлой светлоглиняной тары здесь нет. Найден и железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы (рис. 11, б, 1). Комплекс датируется 20–30-ыми гг. I в. н. э. Он мог отложитьсь в конце строительного горизонта 2б (который закончился Аспурговым разгромом городища) или в самом начале периода III. Судя по черешковому наконечнику стрелы, которые обычны в слое разгрома, более вероятно, что землянка использовалась в начале восстановления городища после Аспурговой войны (рубеж 20–30-ых гг. I в. н. э.).

Еще одна, также четырехугольная, землянка 14 в заполнении содержит выразительный датирующий материал, но он не связан с ее использованием. Землянка была засыпана слоем расчистки какого-то помещения, погибшего в конце периода III. В нем присутствуют крупные обломки светлоглиняных узкогорлых амфор подвариантов С IVa₁, С IVa₂, а также сосудов типа С I, синопских амфор разновидностей Син III и Син IVa, а также амфор неизвестных центров с воронковидным венчиком, псевдокосских и массивных красноглиняных. Краснолаковая посуда представлена фрагментами поздних канфаров и чаши с храповатой поверхностью. Особо следует отметить находку здесь целой терракотовой статуэтки мальчика с петухом (рис. 11, б, 2). Комплекс засыпки можно датировать временем не ранее 60–80-ых гг. н. э., а сооружение землянки – последним строительным периодом IV (рубеж I–II вв. н. э.). Она выкопана практически из-под слоя гумуса, это самая поздняя землянка на Кара-Тобе.

Из находок следует также упомянуть 2 поделки из обожженной глины, найденные в засыпке землянки 17 (рис. 11, б, 3, 4). Одна из них – хорошо обожженная шестилучевая звезда (часть лучей обломана). Вторая представляла собой примитивную фигурку свиньи или собаки с треугольной мордой. Ее смяли пополам и сплюснули пальцами, так что задняя часть животного оказалась под

мордой. Позднее поделка, видимо случайно, попала в огонь. Назначение этих поделок – детские игрушки или какие-то вотивные предметы.

Материал из заполнения остальных землянок Кара-Тобе маловыразительный и дает только *terminus post quem* для датировок этих конструкций более надежны даты жилых горизонтов, с которых они выкопаны. Их можно определить только у 15 землянок Кара-Тобе, которые прослежены с самого верха. Как правило, для датировок учитывались стратиграфическое положение землянок и верхняя дата материала из их заполнения. Дату «юрты» 1934 г. определить невозможно. К самому раннему скифскому строительному горизонту 2₀ (2 четверть – середина I в. до н. э.) отнесено 5 землянок (4, 5, 8, 9, 19). Некоторые из них перекрыты сооружениями горизонта 2а. К горизонту 2а (3 – начало 4 четверти I в. до н. э.) относятся 8 землянок (3, 8а, 10, 12, 13, 15, 16, 18), а к горизонту 2б (4 четверть I в. до н. э. – ок. 20 г. н. э.) – 5 землянок (1, 2, 6, 7, 17). Землянка 11 выкопана или в конце этого же горизонта, или, скорее, в начале следующего периода III. По одной землянке относятся к периоду III (землянка 20; 2 четверть или 2 треть I в. н. э.) и IV (землянка 14; последняя треть I – начало II вв. н. э.). Обе они имеют четырехугольную форму. Землянки сооружались на протяжении всего скифского этапа истории Кара-Тобе. В первые 80–90 лет (горизонты 2₀ и 2а) было выкопано 13 землянок, во второй такой же отрезок времени (горизонт 2б, периоды III и IV) – восемь. Из них 5 землянок были сооружены до Аспургова разгрома поселения (ок. 20 г. н. э.) и только 3 – после него. В I в. н. э. на Кара-Тобе наблюдается сокращение количества землянок. Это могло быть отчасти вызвано общим уменьшением населения городища.

Таким образом, все открытые на Кара-Тобе позднескифские землянки расположены за пределами существовавшей на время их сооружения сплошной застройки, обычно на периферии поселения. Порой они устраивались на одном и том же месте несколько раз по прошествии непродолжительного времени. Землянки использовались недолго, не дольше одного сезона. Зафиксированная в ряде землянок штукатурка/обмазка или побелка никогда не поновлялась. Нет и других следов ремонта. Намазки пола делались в редких случаях. Натоп на полу в некоторых землянках составляет всего 1–2 см. Земляные стенки обычно не разрушены, каменной обкладки стенок нет. Не зафиксировано никаких следов отопительных устройств. В полу или в ступеньке некоторых землянок зафиксированы мелкие ямки диаметром до 50 см; одна из них имела культовое назначение. Вход в землянки осуществлялся обычно по приставным лестницам, редко устраивались входы-пандусы. Следов центрального столба, подпиравшего коническую крышу, не зафиксировано. Натоп на пристенной ступеньке или отсутствует, или был значительно тоньше, чем на полу. Большинство землянок было специально засыпано выбросом из их котлована вскоре после прекращения функционирования. Находки на полу, связанные с использованием землянок, единичны; материал в них происходит из засыпи. Лишь в землянку 20 он был сброшен перед засыпкой. Явных следов, по которым можно было бы определить функцию землянок, нет.

Стационарных землянок с обложенными камнем стенками на Кара-Тобе нет. Это связано, видимо, с дефицитом камня на городище. Такие землянки известны на ближайших памятниках Северо-Западного Крыма, где нехватки камня не наблюдалось: Керкинида [10, с. 113, рис. 60, 3, рис. 61, 2], Чайка [12, с. 183, 184], Беляус [13, с. 149, 150], Усть-Альминское городище [9, с. 138–140, рис. 3, 1, 2]. Строить стационарные каменные сооружения для однократного использования неrationально. Видимо, землянки с обкладкой использовались продолжительное время, о чем свидетельствует 8 слоев побелки стенок в одной из них на Усть-Альминском городище [9, с. 138–140]. Но, кроме обкладки, все конструктивные признаки временных и стационарных землянок одинаковы. Логично предположить, что и их функции были одни и те же.

Сооружения, аналогичные землянкам Кара-Тобе, встречены почти на всех достаточно исследованных синхронных позднескифских памятниках Центрального и Западного Крыма: Неаполь Скифский [3, с. 81–83], Кермен-Кыр [22, с. 138, 139; 11, с. 246], Булганак [23, с. 7, 12, 13, 27], Усть-Альминское [11], Керкинида [10, с. 113–115, табл. 2, рис. 60, 61], Чайка [12, с. 183, 184, рис. 5], Южно-Донузлавское [19, с. 69, 70, рис. 20], Беляус [13, с. 149, 150], Кульчук [24, с. 82], Маслины [25, с. 306] и др.¹ Они тоже являлись временными сооружениями. Конструкции, наиболее близкие землянкам Кара-Тобе, открыты на синхронных памятниках Керкинида и Калос Лимен. У них присутствуют все перечисленные выше признаки. Можно отметить только 2 различия между землянками Кара-Тобе и этих поселений. Это отсутствие следов центрального подпорного столба в землянках Кара-Тобе и более широкое использование в них сырца вместо камня.

Четырехугольные землянки с пристенной ступенькой имеют аналогии на Усть-Альминском городище [9] и Неаполе Скифском [3, с. 80, 81]. В некоторых землянках Усть-Альминского городища ступенька зафиксирована лишь вдоль 3 стенок. Т. Н. Высотская реконструирует у них односкатную крышу. Остальные характеристики всех таких сооружений схожи. Они тоже датируются первыми веками н. э. Вероятно, изменение формы землянок – хронологическое явление, и четырехугольные конструкции постепенно сменяют округлые в 1 половине I в. н. э.

Большинство отмеченных признаков присутствует и у землянок на других позднескифских памятниках Крыма, что позволяет считать все эти сооружения однотипными.

В заключение следует затронуть вопрос о функции описанных землянок. Для его решения важны следующие наблюдения: сравнительная редкость землянок, расположение их на периферии поселений вне жилищно-хозяйственных комплексов, последовательное устройство нескольких землянок на одном и том же месте, кратковременность или однократность их использования, обязательное наличие пристенной ступеньки, на поверхности которой почти нет натопа,

¹ В 1940–1960-ые гг. исследователи часто фиксировали только обкладку ступеньки землянки и натоп на полу. В таких случаях конструкция интерпретировалась как обкладка юрты или шалаша [19, с. 69, 70, рис. 20; 3, рис. 28, 3, 6–8; 11, с. 246, рис. 4, 1–3].

В последние годы большое количество круглых землянок открыто на поселении Бурлюк в Бахчисарайском районе, материалы еще не опубликованы (устное сообщение Ю. П. Зайцева).

отсутствие в них явных функциональных признаков, преднамеренная засыпка землянок после использования. Потому предположение некоторых исследователей о хозяйственном назначении землянок представляется недостаточно обоснованным. Их немногочисленность, кратковременность использования, отсутствие загородок, коробов, ямок для установки амфор и др., а также остатков каких-либо продуктов или производств свидетельствует против такого предположения. Единственная хозяйственная функция, которую теоретически могли выполнять эти сооружения, – временное хранение какой-то сельскохозяйственной продукции. Но с ней трудно связать ступеньку, присутствующую во всех землянках.

Практически невозможно использование таких землянок и в качестве жилищ, даже сезонных. Они располагались в основном на отшибе, на незастроенных участках. Площадь их пола (около 3–5 м²) слишком мала, здесь невозможно устроить спальные места всем членам семьи. Использовать в качестве лежанки кольцевую пристенную ступеньку, ширина которой около 0,5 м, а поверхность, как правило, наклонена к центру, невозможно. В землянках также отсутствуют какие-либо отопительные устройства¹.

До сих пор никем не рассматривалась возможность использования пристенной ступеньки просто в качестве скамейки. Если принять такое предположение, то землянки могли служить для собраний-«посиделок» небольших коллективов (семей?) по каким-то особым поводам. Такие собрания должны были быть нерегулярными и слишком редкими, для того, чтобы сохранять землянки «до следующего случая». Этим можно объяснить и сравнительную редкость землянок, и непродолжительность их использования. Если бы они были связаны с регулярными праздниками (например, календарными), то такие одноразовые сооружения встречались бы значительно чаще.

Если принять гипотезу об использовании землянок для каких-то собраний, то возникает ассоциация с рассказом Геродота о «скифской бане» [Herod., IV, 74–75]. Но проводить между этими сооружениями прямую параллель довольно рискованно. Они имеют существенные конструктивные различия и далеко разделены во времени. Тем не менее присутствие сакральных элементов в обычье «скифской бани» не вызывает сомнения. Общественные собрания в древних обществах всегда имели определенную сакральную окраску. В исследуемых сооружениях отражением этого может быть ямка-фависса в землянке 20, а также необычные глиняные поделки из других землянок (рис. 11, б). Не исключено, что и остальные ямки, обнаруженные в землянках, могли служить для каких-то возлияний, проводившихся перед их засыпкой.

В качестве **рабочей гипотезы** можно предположить и конкретный повод собраний в рассматриваемых землянках. Они проводились нерегулярно, достаточно редко и в них участвовал небольшой коллектив (семья?). Землянки использовались, скорее всего, несколько дней, за которые на полу образовывался тонкий золисто-глинистый натоп. Это могли быть, например, погребально-поминальные собрания по поводу смерти особо уважаемых членов семьи. В землянке могло «выставляться»

¹ Специально вопрос о возможности использования схожих землянок более раннего времени в качестве жилых рассмотрен В. Д. Кузнецовым [26].

тело покойного для прощания и/или проходить поминки. Эти события случались нечасто, нерегулярно, обычно непредсказуемо и непосредственно связаны с семьей. Действия могли продолжаться несколько дней как до погребения, так и после него.

Эта гипотеза объясняет и случаи устройства 2–3 землянок на одном месте. Так могли делать, если в семье на протяжении короткого отрезка времени случалось несколько смертей. С этой гипотезой согласуется и наличие стационарных землянок с каменной обкладкой стенок. Они могли сооружаться и многократно использоваться членами нескольких семей. Возможно поэтому на Чайкинском городище на раскопанных примерно 7 000 м² скифского поселения обнаружено только 2 таких землянки и ни одной «одноразовой».

Не исключены и другие возможные способы использования позднескифских землянок, например, в лечебно-магических практиках. Детальное рассмотрение этого вопроса требует отдельного исследования с привлечением этнографических материалов.

Землянки с пристенной ступенькой были распространены на позднескифских поселениях Крыма со времени сложения здесь позднескифской культуры. В соседних регионах такие сооружения неизвестны. По всей видимости, они являются одной из характерных черт позднескифской культуры Крыма.

Список использованных источников и литературы

1. Шульц П. Н. Евпаторийский район / В. В. Гальмстен // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 265–277.
Shul'ts P.N. Evpatoriyskiy rayon. / V.V. Gal'msten // Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR v 1934-1936 gg. – M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1941. – S. 265–277.
2. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. – Л.: Наука, 1978. – 158 с.
Shcheglov A. N. Severo-Zapadnyy Krym v antichnuyu erohu. – L.: Nauka, 1978. – 158 s.
3. Высотская Т. Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. – Киев: Наукова думка, 1979. – 205 с.
Vysotskaya T. N. Neapol' - stolitsa gosudarstva pozdnih skifov. – Kiev: Naukova dumka, 1979. – 205 s.
4. Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму / А. И. Мелюкова // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1991. – Вып. Д 1–7. – 142 с.
Dashevskaya O.D. Pozdnie skify v Krymu / A. I. Melyukova // Svod arkheologicheskikh istochnikov. – M.: Nauka, 1991. – Vyp. D 1–7. – 142 s.
5. Вайнштейн С. И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // Советская этнография. – 1976. – № 4. – С. 42–62.
Vaynshteyn S. I. Problemy istorii zhilishcha stepnyh kochevnikov Evrazii. // Sovetskaya etnografiya. – 1976. – №4. – S. 42–62.
8. Высотская Т. Н. С своеобразие культуры поздних скифов в Крыму / Т. Н. Высотская // Население и культура Крыма в первые века н. э. – Киев: Наукова думка, 1983. – С. 5–28.
Vysotskaya T. N. Svoeobrazie kul'tury pozdnih skifov v Krymu / T. N. Vysotskaya // Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n.e. – Kiev: Naukova dumka, 1983. – S. 5–28.
9. Высотская Т. Н. Полуземляночные жилища Усть-Альминского городища / С. Н. Бибиков // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 138–147.
Vysotskaya T. N. Poluzemlyanochnye zhilishcha Ust'-Al'minskogo gorodishcha / S. N. Bibikov // Arhitekturo-arheologicheskie issledovaniya v Krymu. – Kiev: Naukova dumka, 1988. – S. 138–147.
10. Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида. – Киев: Наукова думка, 1990. – 174 с.
Kutaysov V. A. Antichnyy gorod Kerkinitida. – Kiev: Naukova dumka, 1990. – 174 s.
11. Уженцев В. Б. Землянки из скифского горизонта Калос Лимена / В. А. Кутайсов // Северо-Западный Крым в античную эпоху. – Киев, 1994. – С. 238–252.

- Uzhentsev V.B. Zemlyanki iz skifskogo gorizonta Kalos Limena / V. A. Kutaysov // Severo-Zapadnyy Krym v antichnuyu epohu. – Kiev: Kievskaya akademiya evrobiznesa, 1994. – S. 238–252.
12. Попова Е. А. О Северо-Причерноморском домостроительстве I в. до н. э. – I в. н. э. (по материалам квартала Запад – II городища «Чайка») / В. Л. Янин // Историческая археология. Традиции и перспективы. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – С. 182–195.
- Popova E.A. O Severo-Prichernomorskem domostroitel'ste I v. do n.e. - I v. n.e. (po materialam kvartala Zapad - II gorodishcha "Chayka"). / V.L. Yanin // Istoricheskaya arheologiya. Traditsii i perspektivy. – M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 1998. – S. 182-195.
13. Дашевская О. Д. Позднескифская фортификация и ее вариант на городище Беляус / А. И. Мелюкова // Проблемы скифо-сарматской археологии. – М.: Наука, 1990. – С. 143–158.
- Dashevskaya O.D. Pozdneskifskaya fortifikatsiya i eyo variant na gorodishche Belyaus. / A. I. Melyukova // Problemy skifo-sarmatskoy arheologii. – M.: Nauka, 1990. – S. 143-158.
14. Уженцев В. Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани. – Симферополь: Сонат, 2006. – 248 с.
- Uzhentsev V. B. Elliny i varvary Prekrasnoy Gavani. – Simferopol': Sonat, 2006. – 248 s.
15. Внуков С. Ю. Центральный строительный комплекс городища Кара-Тобе (конец II – первая половина I вв. до н. э.) / Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева // Древняя Таврика. – Симферополь: Универсум, 2007. – С. 67–80.
- Vnukov S. Yu. Tsentral'nyy stroitel'nyy kompleks gorodishcha Kara-Tobe (konets II - pervaya polovina I vv. do n.e.) / Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva // Drevnyaya Tavrika. – Simferopol': Universum, 2007. – S. 67-80.
16. Внуков С. Ю. Новые исследования и находки на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму / А. А. Масленников. // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. – М.; Киев: ИА РАН, 2010. – Вып. 1. – С. 45–50.
- Vnukov S. Yu. Novye issledovaniya i nahodki na gorodishche Kara-Tobe v Severo-Zapadnom Krymu / A. A. Maslennikov. // ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nahodki i otkrytiya. – M., Kiev: IA RAN, 2010. – Vyp. 1. – S. 45–50.
17. Внуков С. Ю. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе / А. А. Масленников // Древности Боспора. – М.: ИА РАН, 2013. – Т. 17. – С. 22–55.
- Vnukov S. Yu. Amfory rimskego vremeni gorodishcha Kara-Tobe / A. A. Maslennikov // Drevnosti Bospora. – M.: IA RAN, 2013. – T. 17. – S. 22-55.
18. Внуков С. Ю. Раскопки на городище Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) в 2014 г. // Краткие сообщения Института археологии. – М., 2015. – № 237. – С. 167–176.
- Vnukov S. Yu. Raskopki na gorodishche Kara-Tobe (Severo-Zapadnyy Krym) v 2014 g. // Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii. – M., 2015. – № 237. – S. 167–176.
19. Дащевская О. Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963–1965 гг. // Краткие сообщения Института археологии. – М., 1967. – №109. – С. 65–72.
- Dashevskaya O. D. Raskopki Yuzhno-Donuzlavskogo gorodishcha v 1963–1965 gg. // Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii. – M., 1967. – №109. – S. 65-72.
20. Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Часть I. Морфология. – М.: ИА РАН, 2003. – 237 с.
- Vnukov S. Yu. Prichernomorskie amfory I v. do n. e. – II v. n. e. Chast' I. Morfologiya. – M.: IA RAN, 2003. – 237 s.
21. Внуков С. Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглинняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // Российская археология. – 2016. – № 2. – С. 36–47.
- Vnukov S. Yu. Eshche raz o tipologii, evolyutsii i hronologii svetloglinskyanyh (pozdnegerakleyskih) uzkogorlyh amfor // Rossiyskaya arheologiya. – 2016. – № 2. – S. 36–47.
22. Пуздровський А. Е. Охоронні роботи на пізньоскіфському городищі Кермен-Кир // Археологія, – 1989. – № 2. – С. 136–142.
- Puzdrovs'kyj A. E. Ohoronni roboti na pizn'oskif'skomu horodyshchi Kermen-Kyr. // Arheolohiya, – 1989. – №2. – S. 136-142.
23. Храпунов И. Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981–1989 гг.). / А. И. Айбабин // Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. – Симферополь: Таврия, 1991. – Вып. 2. – С. 3–34.

- Khrapunov I. N. Bulganskoe pozdneskifskoe gorodishche (po raskopkam 1981–1989 gg.). / A. I. Aybabin // Materialy po arheologii istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol': Tavriya, 1991. – Vyp. 2. – S. 3–34.
24. Голенцов А. С. Охранные раскопки античного Кульчукского городища и могильника в 1989–1993 / В. А. Кутайсов // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. – Симферополь: Таврия, 1994. – С. 80–84.
- Golentsov A. S. Ohrannye raskopki antichnogo Kul'chukskogo gorodishcha i mogil'nika v 1989–1993. / V. A. Kutaysov // Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1993 god. – Simferopol': Tavriya, 1994. S. 80–84.
25. Латышева В. А. Исследования в Северо-Западном Крыму / Р. М. Мунчаев // Археологические открытия 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С. 305–306.
- Latysheva V. A. Issledovaniya v Severo-Zapadnom Krymu / R. M. Munchaev // Arkheologicheskie otkrytiya 1983 goda. – M.: Nauka, 1985. – S. 305–306.
26. Кузнецов В. Д. Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // Боспорский сборник. – М.: ИА РАН, Центр Фарсал, 1995. – Вып. 6. – С. 99–126.
- Kuznetsov V. D. Ranniye tipy grecheskogo zhilishcha v Severnom Prichernomor'ye // Bosporskiy sbornik. – M.: IA RAN, Tsentr Farsal, 1995. – Vyp. 6. – S. 99–126.